Н.Г. Ястребова, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой литературы ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»; e-mail: ya.natalia-78@yandex.ru

ЖУРНАЛ С. Н. ГЛИНКИ «РУССКИЙ ВЕСТНИК» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Статья посвящена исследованию истории журнала С.Н. Глинки «Русский вестник», его роли в политической и культурной жизни России XIX века. Доказывается, что журнал С.Н. Глинки был мощным средством антинаполеоновской пропаганды.

Ключевые слова: *С.Н. Глинка, журнал «Русский вестник», Отечественная война 1812 года, средство антинаполеоновской пропаганды.*

The article is dedicated to researching the history of S.N. Glinka's magazine "Russian Bulletin", its role in the political and the cultural life of Russia of the XIX century. The article demonstrates that S.N. Glinka's magazine was a powerful anti-Napoleonic publicity media.

Key words: *S.N. Glinka, magazine "Russian Bulletin", the Patriotic War of 1812 year, anti-Napoleonic publicity media.*

Начало XIX века было ознаменовало значительным ростом отечественной журналистики. Связано это было с тем, что при Александре I, занявшем престол в 1801 году, наступило некоторое оживление общественной жизни, и в результате которого смягчилось положение прессы и литературы. Количество журналов и альманахов резко увеличилось. Исследователь А.И. Комаров пишет: «В течение первого десятилетия XIX века было издано до 60 журналов. В следующее десятилетие количество изданий увеличивается еще более. Так, в 1813 году выходило 13 изданий общего характера, а в 1815 году — 21» [Комаров, 1950, с. 155]. Крупнейшими журналами того времени были «Вестник Европы» Н.М. Карамзина (1802—1830), «Северный вестник» И.И. Мартынова (1804—1805), «Лицей» того же издателя (1806), «Северный Меркурий» (1805), «Московский Меркурий» П.И. Макарова (1803), «Патриот» В.В. Измайлова (1804), «Цветник» П.А. Бенитцкого и А.Е. Измайлова (1809—1810), «Журнал российской словесности» Н.П. Брусилова (1805), «Журнал для милых» (1804), «Аглая» (1808—1810, 1812), «Дух журналов» (1815—1820), «Санкт-Петербургский вестник» (1812), «Корифей» (1802—1807), «Друг просвещения» (1804—1806), «Друг юношества» (1807—1815), «Русский вестник» (1808—1824), «Сионский вестник» (1806, 1817—1818), «Чтения в беседе любителей русского слова» (1811—1816).

Как нетрудно заметить, из перечисленных одним из самых долговечных наряду с «Вестником Европы» был журнал «Русский вестник», издававшийся С.Н. Глинкой. Предшественниками «Русского вестника» А.И. Комаров называет масонские журналы «Друг юношества» М.Н. Невзорова и «Сионский вестник» А.Ф. Лабзина, а также «литературные журналы, ориентировавшиеся на старые эстетические каноны» — «Корифей», «Друг просвещения» и другие.

Внешнеполитические события России первого десятилетия XIX века имели значительный общественный резонанс. Вся страна активнейшим образом обсуждала взаимоотношения России и Франции, заграничные походы русской армии. Яркой картиной светской салонной жизни с ее разговорами о русской внешней политике начинается, как известно, роман Л.Н. Толстого «Война и мир». В русском обществе начала XIX века в связи с политическими событиями чрезвычайно усилились антифранцузские настроения. Галломания подвергалась жесткой критике еще в литературе XVIII века (достаточно вспомнить произведения Н.И. Новикова, Д.И. Фонвизина, И.А. Крылова и других), к началу же XIX века неприятие Наполеона и французов достигло неимоверного размаха. Практически все писатели этого периода обращались к патриотической теме, а в творчестве С.Н. Глинки она стала центральной. Как пишет о С.Н. Глинке П.А. Вяземский, «чувства и цель его были общие с народным чувством и с народною потребностью: чувство любви к отечеству и стремление более и более знакомить Русских с Россиею»[1].

Еще задолго до 1812 года, когда необходимость борьбы с Наполеоном стала очевидной, С.Н. Глинка начал яростно бороться с галломанией. Первым орудием его борьбы стала литература. Позже, в 1812 году, писатель вооружится буквально, вступив в первое Московское народное ополчение. До этого времени свою патриотическую деятельность С.Н. Глинка вел через издаваемый им журнал «Русский вестник» — одно из популярнейших изданий начала XIX века. Журнал выделялся среди прочих прежде всего своей патриотической направленностью. В редакторских очерках, статьях, рецензиях, отзывах, в самом отборе материала С.Н. Глинка неизменно выступал обличителем Наполеона, его вероломных захватнических замыслов, он неустанно призывал соотечественников к борьбе с французами и всем французским. Постоянно обращаясь к страницам отечественной истории, Глинка стремился укрепить в соотечественниках чувство любви к родине, гордости за нее.

---

[1] *Вяземский П.А.* Сергей Николаевич Глинка // Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 436.

Обратимся к замыслу издания журнала.

В первые годы нового века С.Н. Глинка совместно с Н.Н. Муравьевым основал в Москве две частные военные школы. «Муравьев взялся образовать молодых дворян для пополнения ими великого недостатка офицеров... Преподавая им высшие математические науки, он вселял в них и высокие чувства народной гордости. Глинка захотел быть просветителем донских казаков и принялся за ум и сердце пылких, диких мальчиков. Довольно грубым, но пламенным и им понятным языком вливал он в них любовь к познаниям и к великому их российскому отечеству»[2].

С.Н. Глинка не ограничивал свою деятельность только созданием школы, одновременно с этим он предпринял и издание журнала.

Огромный успех изданной в конце 1807 года брошюры графа Ф.В. Ростопчина «Мысли вслух на Красном крыльце», проникнутой ненавистью к французам и насмешкой над их подражателями и поклонниками, навел Глинку на мысль об издании журнала «Русский вестник». В № 102 «Московских ведомостей» 21 декабря 1807 года появилось объявление об издании нового журнала: «В книжной лавке на Никольской улице во флигеле Заиконоспасского монастыря, у книгопродавца Филиппа Сверчкова, принимается подписка на журнал под названием «Русский вестник», который состоять будет из 12 книжек, выдаваемых ежемесячно по одной. Содержанием сего журнала будет все то, что непосредственно относится к отечественному, как-то: о воспитании русских, их образе жизни и обыкновениях; о свойстве князей славянских и русских, о свойстве бояр и проч. звания людей, что все основано на исторических доводах. Издатель, желая по возможности соединять полезное с приятным, будет предлагать почтенным читателям русские исторические повести, многие исторические любопытные отрывки, которые никогда еще не были напечатаны; замечания о всем русском, достойном памяти каждого патриота. В сем же журнале будут помещаемы политические известия касательно токмо до России и известия о добродетельных деяниях, общеполезных заведениях, открытиях и проч.»[3].

После прочтения объявления о выходе «Русского вестника» граф Ф. В. Ростопчин писал С.Н. Глинке: «Отдавая должную справедливость перу и уму сочинителя “Сумбеки” и “Натальи боярской дочери”, увидел я обнародование ваше о “Русском вестнике”: хвалю столь же благородное намерение, сколько дивлюсь смелости духа вашего. Вы имеете в виду единственно пользу общую и хотите издавать одну русскую старину, ожидая от нее исцеления

[2] *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1900. № 10. С. 57.

[3] Там же. С. 58.

слепых, глухих и сумасшедших; но забыли, что неизменное действие истины есть колоть глаза и приводить в исступление»[4]. Ростопчин поддерживает Глинку в его пламенной любви к отечеству, восхищается его мужеством писать исключительно о русской старине, но он полон скептических раздумий относительно того, кто же будет читать новый журнал: «Конечно, вас читать будут многие — все благомыслящие и любящие законы, отечество, государя (следственно и честь) отдадут справедливость подвигу вашему. Но для них прошедшее не нужно, ибо они сами настоящим служат примером. А как заставить любить по-русски отечество тех, кои его презирают, не знают своего языка и только по необходимости русские? Как привлечь внимание вольноопределяющихся в иностранные? Как сделаться терпимым у раздетых по моде барынь и барышень? — упрашивайте, убеждайте, стыдите, — ничего не подействует»[5]. Ростопчин полон негодования, прочитанное объявление о выходе национального журнала дает ему повод высказаться о наболевшем: «Для сих, отпадших от своих и впадших в чужие, вы будете проповедником, как посреди дикого народа в Африке. До сего одни лишь иностранные за наше гостеприимство, терпение и деньги ругали нас без пощады, а ныне уже и русские к ним пристают. Я не удивлюсь, если со временем найдется какой-нибудь бесстыдный враль, который станет нам доказывать, что мы не люди и что Бог создал одно наше тело, а души вкладываются иностранными по их благоусмотрению, что мы без них обратились бы в четвероногих, без их языка... и без их поваров ели бы траву и желуди»[6]. Мысли Ростопчина были чрезвычайно актуальны в первое десятилетие XIX в. Действительно, авторитет русской нации — в том числе, и среди самих русских — катастрофически падал. Говорить по-русски было не модно; аристократия, дворянство изъяснялись исключительно на французском (часто на плохом, искаженном, со множеством ошибок; «смесь французского с нижегородским»). Французское влияние коснулось не только языка, но и моды, кулинарии, обычаев. Все национальное русское объявлялось старомодным. В этих условиях активным носителем и верным хранителем языка, национальных традиций оставался простой русский народ. Лишь Отечественная война 1812 года смогла погасить непомерную любовь русских ко всему французскому. Наполеон, «покоритель Европы», оказался побежден простым русским крестьянином, поскольку не дворянство, а именно простой, неграмотный к тому же еще и крепостной народ сыграл решающую роль в исходе войны. Естественным образом личность русского мужика, кре-

[4] Там же.
[5] *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 58—59.
[6] Там же.

постного крестьянина станет идейным центром политической, экономической, культурной жизни России 20—30-х годов XIX века.

С началом издания «Русского вестника» была объявлена литературная война Наполеону.

Направление журнала Глинки ценилось многими. Характеризуя в целом творчество С.Н. Глинки, П.А. Вяземский писал о его журнале: «Полезнейшею эпохою литературной деятельности нашего автора было восемнадцатилетие, в которое издавал он “Русский Вестник”. По всей России, особенно в провинциях, читали его с жадностью и верою; столицы вообще все, более или менее, придерживаются космополитизма. Преимущественно в первые годы существования своего журнал имел историческое и политическое значение. Одно заглавие его было уже знамя. В то время властолюбие и победы Наполеона, постепенно порабощая Европу, грозили независимости всех государств. Нужно было поддерживать и воспламенять дух народный, пробуждать силы его, напоминая о доблестях предков, которые также сражались за честь и целость отечества. Дух чужеземства мог быть тогда в самом деле опасен. Нужно было противодействовать ему всеми силами и средствами. В таких обстоятельствах даже излишества и крайность убеждений были у места. Укорительные слова: галломания, французолюбцы, бывшие тогда в употреблении, имели полное значение. Ими стреляли не на воздух, а в прямую цель. Надлежало драться не только на полях битвы, но воевать и против нравов, предубеждений, малодушных привычек. Европа онаполеонилась. России, прижатой к своим степям, предлежал вопрос: быть или не быть, то есть следовать за общим потоком и поглотиться в нем, или упорствовать до смерти или до победы? Перо Глинки первое на Руси начало перестреливаться с неприятелем. Он не заключал перемирия даже и в те роздыхи, когда русские штыки отмыкались, уступая силе обстоятельств и выжидая нового вызова к действию»[7].

Помимо критики французов, еще одной целью нового журнала было «возбуждение народного духа», напоминание русским об их славной истории. «Надобно вспомнить, — говорит М.А. Дмитриев, — надобно знать то время, чтобы понять всю важность появления “Русского Вестника”. Теперь о нашей старине твердят беспрестанно, а тогда — многие в первый раз услышали из “Русского Вестника” о царице Наталье Кирилловне, о боярине Матвееве, о Зотове, воспитателе Петра Великого, и в первый раз увидели их портреты. Кто первый, так сказать, натвердил нам об этих людях, тот, конечно, заслуживает и сам остаться в памяти»[8].

---

[7] *Вяземский П.А.* Указ. соч. С. 438.

[8] *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 62.

О памяти потомков, которую С.Н. Глинка заслужил своей патриотической деятельностью и своим патриотическим журналом, говорит и П.И. Шаликов: «Никогда и никакой журнал не исключая даже и “Английского зрителя”, не соответствовал так хорошо своему названию, как “Русский вестник”; никогда и никакой издатель не имел цели благороднейшей и полезнейшей. В нем все русское — не по одним только русским сочинениям, но потому, что он сообщает читателям своим о добродетелях, заслугах предков и современников, государей и правителей, людей общественных и частных; о полезных заведениях, об исторических памятниках, которые существуют или должны существовать. Это оружейная палата нравственных сокровищ, которыми сердце каждого россиянина должно радоваться, возвышаться и наслаждаться. Отважный ее архитектор имеет неотъемлемое право на живейшую благодарность соотечественников настоящих и будущих»[9]. П.И. Шаликов не случайно называет Глинку «отважным архитектором»: в первые годы XIX века прославлять национальное, русское, доказывать его превосходство над иностранным осмеливался не каждый.

По словам князя П.А. Вяземского, С.Н. Глинка угрожал своим пером всепобеждающему мечу Наполеона, тревожил его самоуверенность и честолюбие. В нравственном и политическом отношении «Русский вестник» имел «всю важность события, как противодействие владычеству наполеоновской Франции и как воззвание к единомыслию и единодушию предчуемой уже в воздухе грозы 1812 года. Сей журнал имел неоспоримое и весьма сильное значение»[10]. В «Записках» С.Н. Глинка пишет: «Ну, слава Богу, — говорили москвичи, — порадовал нас “Русский вестник”; душа у нас приосанилась, русская наша честь устояла»[11].

Александр I внимательно относился к антинаполеоновской деятельности С.Н. Глинки, хоть и не поощрял ее, но в то же время и не запрещал, ограничиваясь молчанием. Но в эпоху всеобщего поклонения Наполеону русская литература вынуждена была подчиняться политическим требованиям. Императорское окружение порицало направление «Русского вестника». «Министр народного просвещения писал попечителю С.-Петербургского учебного округа, что в журналах наших возникают нелепые рассуждения от неразумеющих государственных политических соотношений»[12]. К числу таких «неразумеющих» был отнесен и С.Н. Глинка. Цензурному комитету строжайшим образом было предписано воздержаться «позволять в периодических и других сочинениях оскорбительные

[9] *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 62.
[10] *Вяземский П.А.* Указ. соч. С. 442.
[11] *Глинка С.Н.* Записки. М., 2004. С. 279.
[12] *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 65.

рассуждения», ему надлежало проверять «издания с наибольшею строгостью по материям политическим, которых близко не могут видеть сочинители и, увлекаясь одною мечтою своих воображений, пишут всякую всячину в терминах неприличных»[13].

Всем учебным округам было предписано не пропускать статей, содержащих «известия и рассуждения политические». Все сочинения должны были проходить жесточайшую цензуру. Но и в условиях строжайших запретов С.Н. Глинка продолжал свою деятельность, что доказывает смелость, убежденность издателя, демонстрирует патриотическую направленность его мировоззрения.

Книжки «Русского Вестника» были нарасхват, вызывали нерасположение не только к Наполеону, но и к представителям его в России, да и вообще ко всем французам как к агрессорам.

Мнения С.Н. Глинки, стремительно распространявшиеся в обществе, не могли ускользнуть от бдительного взора Наполеона. С.Н. Глинка в «Записках» приводит следующую историю. Узнав, что в Москву приехал А.Л. Нарышкин, начальник театров, Сергей Николаевич, служивший тогда при московском театре сочинителем и переводчиком, отправился к нему и застал его за чтением «Русского вестника». «Я непременно, — сказал Нарышкин, — представлю твой “Русский вестник” государю... Продолжай, брат, свое дело; ты крепко отстаиваешь нашу Русь святую, за то тебе и все говорят спасибо. Вчера я был в Английском клубе, и твоя последняя книжка, в которой ты повестил о Тильзитском мире, ходила из рук в руки»[14]. Между тем представители Наполеона в России зорко следили за политической и культурной жизнью страны. Французский посол в Петербурге, Коленкур, приказал перевести несколько статей из «Русского вестника» и в то время, когда Нарышкин вошел в кабинет императора Александра с журналом, вошел туда и Коленкур с жалобой на «Русский вестник» и с переводом статьи о Тильзите. «Вы видите, — отвечал Александр Коленкуру, — что я не знал о существовании этого журнала. Но я не мешаюсь в печатные мнения моих подданных: это дело цензуры»[15]. После этого, как вспоминает писатель, его цензору Мерзлякову был сделан выговор, а сам он получил от А.А. Майкова письмо, в котором тот извещал его об увольнении из московского театра «по политическим обстоятельствам». «Таким образом, — замечает С.Н. Глинка, — 1808 года выдержал я, будущий первый ратник московского ополчения, борьбу с Наполеоном»[16].

---

[13] Там же. С. 66.

[14] *Глинка С.Н.* Указ. соч. С. 279.

[15] Там же. С. 280.

[16] Там же.

«Русский Вестник» был рожден своей эпохой, временем борьбы с Наполеоном и ревностно отражал эту борьбу на своих страницах. Естественно, что по мере того, как подходили к своему логическому завершению военные действия, постепенно и журнал утрачивал свое общественное значение. Это отмечает и П.А. Вяземский: «События развивались и, наконец, достигли цели. Из французских войск, нагрянувших на русскую землю, остались между живыми одни пленники. Русские два раза входили в Париж. Наполеон заключен на острове Святой Елены. С Наполеоном вместе пало и властолюбие Франции. Русские не злопамятны. Значение «Русского Вестника» утратило свою силу. Издание его продолжалось еще несколько лет, но не имело уже прежнего влияния. По горячим следам он еще несколько времени возглашал о подвигах новых Дмитриев Донских и Пожарских. Имена Кутузова, Платова и других сподвижников освобождения России и Европы озаряли и согревали страницы журнала, но всему есть предел и свое время... Глинка обратился тогда к другим литературным трудам, все в том же чистонародном и русском направлении, но уже, так сказать, не вооруженною рукою»[17].

Издание С.Н. Глинки в целом носило ярко выраженный патриотический характер, все материалы были посвящены изображению русского национального характера. Именно это и является объединяющим началом для статей и очерков «Русского вестника», очень неоднородных по своему жанровому и тематическому составу.

Роль журнала «Русский вестник» трудно переоценить: появившийся в грозную военную эпоху, он стал серьезным оружием в борьбе с Наполеоном и с распространившейся в русском обществе того времени галломанией. Журнал способствовал патриотическому воспитанию, пробуждению и росту чувства национальной гордости.

Список литературы

Комаров А.И. Журналистика и критика 1800—1810-х гг. // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 1. XVIII век и первая половина XIX века. Л., 1950.

Поступила в редакцию
06.12.2011

[17] *Вяземский П.А.* Указ. соч. С. 442.